

Алена Яворская

«И льются радостные строки, И верю я опять в мечты...»

«Я пишу стихи, несмотря ни на что, и уж наверное, никогда не перестану писать...»

Чудеса случаются. В самое страшное, самое тяжелое время им находится место. Иначе нельзя и сказать о том, что в дни войны вышла книга «Вениамин Бабаджан. Из творческого наследия. Сергей Лущик – Вениамин Бабаджан – Жизнь и творчество».

Именно Сергей Зенонович Лущик в конце прошлого века восстановил из чудом уцелевших в годы Гражданской войны и репрессий писем, книг, документов биографию молодого поэта, художника, книгоиздателя, воина Вениамина Бабаджана (1894-1920).

Бабаджан прожил всего двадцать шесть лет – так мало! – и успел сделать так много! Три книги стихов, две книги о любимых художниках – Сезанне и Врубеле, книгоиздательство «Омфалос», которое он организовал и которое за два года Гражданской войны выпустило в Одессе двадцать книг. Последняя – «Сонеты» Эредиа в переводах Г. Шенгели, вышла в 1920 году. Осенью того же года Вениамина Бабаджана расстреляли в Феодосии как бывшего офицера.

И действительно, Вениамин Бабаджан был на фронте мировой войны (тогда ее еще не называли Первой) с первого до последнего дня. Успевал еще и писать стихи в больших «амбарных» тетрадах. Чудом они уцелели, чудом вернулись в семью, к сестре Тотеш. И уже не чудо, а настойчивость Сергея Зеноновича помогла добиться разрешения работать с этими тетрадами, а затем и получить их в дар.

В 2004 одесский «Мемориал» предложил издать книгу стихов расстрелянного поэта. Лущик привлек к работе меня и Ольгу

Вениамин Бабаджан. Одесса, 1915. Собрание С.З. Лущика

Барковскую. О том, как создавалась эта книга, я уже писала, позволю себе повторить.

Моей частью работы была расшифровка и набор стихов и дневниковых записей из рабочих тетрадей – работа настолько же тяжелая, насколько и увлекательная. Текст одного, самого сложного для прочтения из-за неразборчивого почерка и многочисленных исправлений стихотворения был прочитан полностью после пятнадцати попыток – а подсчет начался далеко не сразу после первой неудачи. Работала я в доме у Лущиков.

Затем Сергей Зенонович сжалился над трудом переписчика и разрешил взять тетради на работу, поближе к компьютеру. Надо ли говорить, что, опасаясь неодобрения Лущика, я перечитывала каждую распечатку по десять раз. Но все равно хоть одну не поставленную в нужном месте запятую он находил. И приговаривал, заставляя заново переделать: «Не жалейте бумаги на высшее образование».

Наконец я отобрала сто стихотворений. Дальше сокращать рука не поднималась. Но были еще Лущик и строгий редактор Ольга Барковская. Итак, собрались мы троим. Дальнейшее напоминало описанное Ильфом и Петровым голосование авторов насчет судьбы Остапа Бендера. Каждый из нас, получив список стихов, ставил крестик возле достойного, на его взгляд. Вкусы не совпадали, мнения резко расходились. Но в результате возобладала женская логика и женская солидарность – нам с Олей нравились одни и те же стихи. Я благоразумно предоставила редактору право на отстаивание нашей точки зрения. Лущик вынужден был пойти на уступки.

Так я написала десять лет назад. Из ста стихотворений было отображено сорок девять, многие из тех, что мне нравились и казались достойными, в книгу так и не вошли. Особенно рьяно я отстаивала ироническую «Песнь о ветчине и поэтессе» – увы, безуспешно. Сергей Зенонович коварно подкупил Ольгу обещанием не сокращать текст книги о Сезанне, и я была повержена.

Денег, которые выделил «Мемориал» не хватило. Часть добавили издатели (книгу печатал «Optimum»), часть Галина Безикович, а остальные – сам Лущик. Книга вышла тиражом всего 300 экземпляров, и долго потом еще исследователи из Франции, США, Италии, Японии просили прислать экземпляр.

История любит повторяться, это аксиома. И когда в прошлом году на заседании комиссии по социально значимым изданиям при Одесской

облгосадминистрации было принято решение переиздать двухтомник, денег хватило на очень небольшой тираж. Книга вышла в издательстве «Астропринт», она полностью повторяет первое издание, мечты дополнить текст остались лишь мечтами.

Но выход книги хочется сопроводить публикацией стихов, которые с болью в сердце мы вычеркивали из списка два десятилетия назад. И опять, как много лет назад, я отбирала и вычеркивала – иначе была бы еще одна книга.

В свое время Лущик принял решение располагать стихи в хронологическом порядке, этот же принцип я сохраняю и сегодня. И можно проследить, как меняется, взрослеет поэт.

Сохранились три тетради стихов Бабаджана. И если две первые названы незатейливо «Стихи» и «Стихи 1915», то последнюю, самую объемную, начатую на фронте и продолженную в Одессе, он назвал «Идеи и затеи».

Практически все стихи Бабаджан датировал, можно по ним проследить и географию его передвижений. Дольше всего госпиталь, в котором Бабаджан служил, – размещался в местечке Ратешул-Луй-Харет. «Ратешул-Луй-Харет – зима, весна и лето. / Как надоел Серет и берега Серета», – писал Бабаджан.

Первая книга стихов Вениамина Бабаджана «Кавалерийские победы» вышла под псевдонимом Клементий Бутковский, часть стихов в тетрадях помечены «Из К. Бутковского».

Молодой поэт влюбляется, но о его музах мы знаем до обидного мало. Больше всего – о юной пианистке Анне Фельдблюм, которой Вениамин посвятил книгу стихов «Всадник». Потом была таинственная Ива, или Иветта. И последний роман – уже после возвращения с фронта – с девушкой-художницей. Ее именем Бабаджан называет свою последнюю

В. Бабаджан. Автопортрет с трубкой.
Одесса, 1919. Одесский художественный музей